

Химера глобализации: а был ли мальчик?

Вряд ли можно отрицать факт протекания процессов, элементарно соотносимых с понятием глобализации. Мы имеем счастье или несчастье быть свидетелями усиления взаимозависимости различных регионов и культур, возникновения наднациональных идентичностей, интенсификации межнациональной и межкультурной коммуникации, формирования глобального рынка и т. д. и т. п. Вместе с тем, использование понятия глобализации в научных и внеаучных кругах инфляционный характер. С его помощью пытаются объяснить и понять гораздо больше, нежели это возможно. С одной стороны, всеобщая мода на глобализацию имеет следствием то, что понятие имеет вид уже весьма разбитый и изношенный... С другой стороны, как раз расплывчатый характер понятия является причиной его популярности – понятийный контейнер, который каждый может на своё усмотрение наполнять удобным для себя содержанием. Прекрасная возможность для практически неограниченной каузальной, функциональной и прочей атрибуции самых разнообразных предметных областей контексту глобализации и для формулирования бесконечных тем исследований, симпозиумов, публикаций: семья в контексте глобализации, глобализация рынка, культурные аспекты глобализации и т. п. и т. д. К тому же, концепция глобализации выгодно отличается своей простотой (говоря прямо, тривиальностью) от альтернативных теоретических предложений современности – постмодернизма, теории рефлексивного модерна, дифференциации функциональных систем.

1. *Глобализация как общее понятие.* Ссылка на концепт глобализации как объяснительную модель тех или иных конкретных процессов, феноменов, отношений равнозначна намерению объяснить их столь же универсальной, пустой и эвристически бесплодной конструкцией как «человеческая натура» или, скажем, «всемирно-исторический прогресс». Если кто-либо претендует

на «исследование глобализации», не уточняя при этом, что он под ней понимает, это следует воспринимать как претензию на исследование "обо всём и ни о чём". Проблема не в многозначности понятия: это дело обычное в области социальных наук, где большинство понятий не поддаётся однозначному определению. Резонным решением проблем, вытекающих из хронической многозначности и не(до)определённости понятий, представляется предложенная Весли Скоганом идея общего понятия. Такое понятие подлежит определению в каждом конкретном случае, и определение это сохраняет значимость только в пределах данного случая. Универсального, оптимального, "более или менее точного, правильного" определения таких понятий нет и быть не может (Skogan 1993: 131).

Если уж очень хочется воспользоваться понятием глобализации, следует в каждом отдельном случае либо самостоятельно определить это понятие, либо обосновать использование заимствованного определения. От амбициозных же попыток, предложить универсальное и окончательное понятие глобализации, лучше воздержаться (один из примеров подобных попыток представляет собой труд Ульриха Бека по данному предмету: Бек 2001). Научная коммуникация о глобализации возможна лишь до тех пор, пока остаётся открытым для обсуждения вопрос об её понятии. Окончательное и обязательное решение данного вопроса было бы подобно директивному определению понятий социализма, коммунизма и т. д. на очередных съездах КПСС и означало бы атрофию научного дискурса по данному предмету (или переход его в сферу "теневой науки").

2. Глобализация как процесс и результат качественных изменений? Разговоры об эпохе либо эре глобализации, равно как и информационного общества, общества сетевых структур и т. п. подразумевают некие качественные изменения, объективный факт которых отражается данными понятиями. Сомнения вызывает при этом во-первых качественный, во вторых объективный характер изменений, обычно соотносимых с понятием глобализации. О вто-

ром аспекте речь пойдёт ниже, сейчас же предстоит рассмотреть вопрос о «качественности» изменений. Таковая предполагает возможность хотя бы приблизительного хронологического отграничения от этапов, которые теперь, в результате качественных изменений, можно считать истёкшими. Оставив в стороне спорные определения глобализации как утраты дееспособности национальными политическими субъектами, обратимся к вещам столь же самоочевидным, как и то, что земля плоская или «наркотики» опаснее табака и алкоголя. Бесспорными и очевидными являются процессы интеграции отдельных национальных сообществ, культур и регионов в единое мировое целое, рост их взаимозависимости, рефлексивное осознание целостности социальных процессов в глобальном масштабе и т. п. И каким же образом мы хотим определить хронологические рамки данного процесса (учитывая, что формирование национальных сообществ, т. е. разграничение, является первой предпосылкой, логической и органической компонентой интеграции)? Выражаясь проще, когда началась глобализация – в эпоху Великих географических открытий? Во время описанных в Коммунистическом манифесте процессов интернационализации? Или, может быть, во время крестовых походов и грандиозных завоевательных волн кочевых народов Азии? На фоне этих событий интенсивное формирование глобального формата коммуникативных процессов на современном этапе выглядит в лучшем случае как один из не самых значительных шагов в данном направлении. И причём лишь в той мере, в которой мы верим в линейный характер некоего всемирно-исторического развития. В таком случае есть все основания утверждать, что глобализация протекает на протяжении всего периода существования человеческого сообщества, а в системе понятий ряда научных парадигм – и за пределами данного отрезка времени.

Представления о достижении некоего нового качественного уровня в протекании данного процесса не поддаются достаточному обоснованию даже на уровне эмпирических обобщений. Если же подняться на уровень рассуждений о понятии общества (чего социологи практически никогда не делают,

считая это метафизикой и социальной философией), эти представления и во все теряют почву под собой. Проведём параллель между понятиями «общество» и «земная суша» либо «мировой океан». В любом случае, эти понятия не сводятся к механической сумме физических частиц или частей, составляющих их эмпирические референты. В случае общества, частями и частицами будут политические, этнические, антропологические, психические и иные части, к механической сумме которых не сводится и никогда не сводилась социальная реальность. В таком случае, в любой момент существования общества (суши, океана) были все основания говорить о них как о глобальном целом, несмотря на отсутствие эмпирически наблюдаемых соприкосновений или зависимостей между отдельными их частями и компонентами, разделёнными в пространстве и времени (Luhmann 1999: 145 и далее).

3. Глобализация – социальный феномен? Сами по себе изменения визового режима, интенсификация миграционных процессов, развитие телекоммуникаций и т. д. являются фактами правового, технического, экономического и прочего частного или субсистемного, но ни в коем случае не социального характера. Таковыми они становятся лишь в процессе коммуникации, в котором происходит их "смысловое оплодотворение". Говорить о социальном факте глобализации можно лишь постольку, поскольку речь идёт о дискурсивных процессах, в которых конституируется понятие глобализации и происходит определенное структурирование социальной реальности на основе категорий этого понятия. Глобализация при этом понимается не только и не столько как предмет коммуникации, сколько как её процесс и продукт. Эвристическая позиция исследования в таком случае определяется как позиция "наблюдения второго порядка" или "наблюдения над наблюдением" (Luhmann 1995: 68 и далее) – наблюдения над тем, как общество наблюдает процесс собственной структуризации-дифференциации, развития и интеграции собственных подсистем, создавая и воспроизводя свою социальную ткань в ходе этого наблюдения.

Исходя из вышесказанного, представляется нецелесообразным воспроизводство в научной дискуссии "самоочевидных" концептуальных моделей, сформировавшихся в рамках "наблюдения первого порядка". Социальная наука вряд ли способна чем-либо обогатить социальную практику и занять суверенную позицию в отношении ней, если она неререфлексивно употребляет элементы практического дискурса в качестве эмпирически определенных понятий и собственных аналитических категорий. Идет ли речь о глобализации, урбанизации, (де)индустриализации, преступности и т. д., вряд оправдан перенос этих терминов в социальную науку в том значении, в котором они употребляются в политической, идеологической и экономической и т. п. сферах. Сомнительным представляется употребление их как понятий, охватывающих однозначно определённый и инвариантный круг явлений и взаимосвязей, независимых от их восприятия и осмысления действующими субъектами. Ответ на вопрос "что есть глобализация" и понимание социальной реальности глобализации можно получить не в результате поиска неких объективных индикаторов общего и единого вектора развития цивилизации, а скорее в итоге внимательного наблюдения над тем, кто, как и почему ведёт речь о глобализации.

4. *Объективность глобализации.* Одним из наиболее интенсивно транслируемых в научную дискуссию клише вненаучного дискурса является видение глобализации как некоего объективного процесса. Такое видение представляется несостоятельным по ряду логических и эмпирических позиций. Более того, оно деформирует научный дискурс и адекватное выполнение наукой своих социальных функций.

Во-первых, данная модель представляется слишком "самоочевидной" и тривиальной, чтобы лечь в основу научного анализа. Науке вряд ли имеет смысл заниматься изучением и обоснованием вещей, доступных для наблюдения и в силу этого известных и без применения научного инструментария. Доказывать, что процесс глобальной интеграции объективен и необратим, представ-

ляется столь же целесообразным, как и использование микроскопа в сочетании со сложнейшими техниками спектрального анализа для решения спора о том, является ли трава зеленой. Интересные прозрения имеют место скорее тогда, когда наука ставит под сомнение самоочевидные истины – вроде того, что мужчины умнее женщин, солнце вращается вокруг земли, суровость наказания обладает сдерживающим эффектом на развитие преступность, виктимный опыт коррелирует со страхом перед преступностью и т. д.

Во-вторых, тезис объективности отвечает социальному заказу субъектов, оказывающихся в выигрышном положении в результате текущего развития. Субъекты эти заинтересованы в том, чтобы представить развитие безальтернативным и не поддающимся существенным корректурам. Теневые же стороны или "цена" глобализации должны быть представлена как разумная и в любом случае подлежащая оплате под давлением "инкассо" императивов мирового развития¹. В своё время, тезис объективности подобным образом применялся в отношении процесса продвижения к светлому коммунистическому будущему. Теневой же стороной и разумной ценой оного являлось якобы обострение классовой борьбы и массовые репрессии в отношении тех, кто в силу различных обстоятельств не желал продвигаться в этом направлении с достаточной скоростью.

В данном свете открываются альтернативное видение соотношения "объективного содержания" и коллатеральных последствий текущих процессов. Может быть, развитие в определенных сферах географического и социального пространства за счёт энтропии в иных сферах и устранение препятствий самоприращению капитала путем безудержной эксплуатации социальных и природных ресурсов следует понимать как «объективное содержание»? Интенсификацию же межнациональной коммуникации и развитие

¹ Речь идёт об относительном обнищании значительных масс населения, виртуализации экономики, утрате властных позиций демократически легитимированными политическими субъектами, разрушении систем социальной помощи, социальном исключении, обострении классовых и цивилизационных конфликтов и т. д.

космополитического сознания всего лишь как нечаянные побочные эффекты? Причём эффекты эти в той мере, в которой они противоречат основной тенденции развития, всемерно блокируются национальными правительствами. Последние стремительно утрачивают потенциал регулирования социальных отношений параллельно с наращиванием потенциала репрессивно-карательного контроля. Данный потенциал реализуется, прежде всего, в возведении новых барьеров на пути межкультурной интеграции под предлогом борьбы с терроризмом, обеспечения национальной безопасности, предотвращения нелегальной миграции и т. д.

Объективность данных процессов можно усматривать в их недоступности для целенаправленного регулирования и контроля со стороны как национальных, так и международных политических субъектов. Действительно, в руках частных лиц и транснациональных корпораций, не избираемых и не подотчётных избираемым органам, сосредоточены невиданные экономические и политические ресурсы, значительно превышающие те, что находятся в распоряжении многих национальных правительств². Следует, однако, отметить, что данная ситуация явилась результатом осуществления вполне целенаправленной политики. *Объективное же бессилие* политических субъектов перед лицом мнимых и реальных экономических императивов является результатом их же *субъективных усилий* по устранению всех и вся препятствий на пути самореализации логики капиталистического развития. После чего можно резонно сокрушаться о невозможности внести какие-либо коррективы в текущее развитие в данных условиях и под давлением данных обстоя-

² Из этого, впрочем, вытекает новая редакция марксистского требования о внесении существенных коррективов в отношения собственности. Речь идёт при этом не о том, чтобы всё поделить по-новому, а о пересмотре самого понятия собственности – не об изменении круга собственников, а об изменении того, что означают отношения собственности в духе расширительного толкования одного из параграфов Конституции ФРГ: **собственность обязывает** (ср. Zizek 1999: 484). Впрочем, отношения частной собственности и без всяких поправок извне претерпевают существенную трансформацию, если не кризис, под давлением императивов нового капитализма. Эти императивы исключают долговременные отношения со всем, что именно обязывает и при-

тельств. На что, впрочем, можно столь же резонно предложить внести коррективы в данные условия и обстоятельства (Hall et al. 1978: IX-X; Bauman 2000: 8 и далее). Для этого надо только отказаться от видения их как объективных. Тогда они предстанут перед нашим взором как искусственно созданные или сконструированные, в силу чего они с тем же успехом могут быть разрушены, реконструированы и деконструированы – идёт ли речь при этом о национальных, гендерных и прочих идентичностях или унаследованном из римского права института частной собственности.

В-третьих, эвристически ценными представляются концепции, стимулирующие научную дискуссию, протекающую как перманентный пересмотр философских оснований самой науки (Alexander 1998: 29 и далее). Такие концепции должны обладать структурирующим потенциалом, позволяющим определить собственную позицию в дискурсивном пространстве и соотнести её с иными позициями, традициями или парадигмами. Концепция глобализации очень малопригодна для выполнения такой структурирующей функции – она показала себя лишь способной разделить научное сообщество на апологетов и критиков глобализации. Первые вольно или невольно оказываются по одну сторону баррикады с разного рода элитами, последние проходят различные степени стигматизации и формирования идентичности в качестве луддитов и хулиганов, отрицающих объективные закономерности развития человечества, да и всего космоса в целом. Данный принцип структурирования гораздо больше подходит для политического или идеологического дискурса, нежели для научного – он несовместим с высоким качеством процесса научной коммуникации и её результатов.

5. *О тривиальности понятия.* За примерами тривиализации науки в процессе впадения её в русло дискуссии о глобализации далеко ходить не надо. Достаточно сопоставить две работы одного из весьма модных ныне социологов –

вязывает, будь то семья, недвижимость или производственные активы (см. Zizek 2002: 101, 115).

Ульриха Бека. Первая из них увидела свет в 1986 г., за несколько месяцев до Чернобыльской катастрофы. Завистники и недоброжелатели усматривают в этом совпадении, наряду с простотой и доходчивостью стиля, один из основных факторов головокружительной карьеры концепции общества риска в научных и, главным образом, вненаучных кругах. Впрочем, концепция успела уже стать объектом и достаточно суровой, но справедливой критики (Beck 1986; критика – Joas 2000: 250-261; Storck 2001; Krugman 1999). Предметом критики послужило обилие внутренних противоречий и возведение одного из частных аспектов текущего развития в ранг магистрального направления эволюции мирового сообщества. Переход от отношений распределения собственности к отношениям распределения рисков в качестве основного источника и механизма структурирования общества провозглашается всеобщей и (почти) всё объясняющей тенденцией социального развития на современном этапе. Автор, явно влюблённый в свою концепцию, выводит из данной метаморфозы изменения, наблюдаемые в сферах социального структурирования, политики, брачно-семейных, трудовых отношений и т. д. (Beck 1986; Beck 1994; Beck 1999; Beck & Beck-Gernsheim 1990). Очень сходная ситуация имеет место с другой популярной концепцией: за мнимым или действительным смещением центра тяжести от производства и распределения вещей к производству и распределению информации теоретикам общества знаний мерещится революция социальных отношений, коренным образом меняющая их **облик и природу**. Приводимые примеры вполне убеждают в том, что изменение **облика** действительно имеет место (см. Дракер 1999). С изменением же **природы** дело обстоит далеко не столь очевидным образом. Вне поля зрения концепций общества знаний или общества риска остаётся как раз вопрос о сохранении, воспроизводстве и трансформации глубинных, недоступных для поверхностного наблюдения, собственно социальных структур, процессов и отношений власти, собственности, эксплуатации, исключения, отчуждения и т. п. Изменение технического, пространственного, физического и т. д. **формата** этих отношений, идёт ли речь о производстве, распределении и

обмене вещами, рисками и информацией на локальном, региональном и глобальном уровне, ещё не даёт оснований судить об изменении их социального **содержания**. Энтони Гидденс, Ульрих Бек и Мануэль Кастельс полагают, что социальная структура и социально-структурные детерминанты политического поведения коренным образом изменились под действием процессов глобализации. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что эти представления являются не более чем результатом скандальной неинформированности их носителей о действительном положении дел с социальной структурой и её ролью в детерминации политического поведения на современном этапе. Если уж теоретики глобализации оказались не очень добросовестными и в некоторой степени невежественными в вопросе о социально-структурном её аспекте, это бросает тень сомнения на все остальные аспекты и компоненты их концепций (Goldthrope 2003).

Некоторая однобокость и поверхностность концепции общества риска претерпевают гипертрофию в работе Бека о глобализации. Книга построена как набор продолжительных и плохо согласованных между собою цитат из сборника работ по глобализации, вышедшего до этого под его же редакцией. Цитаты перемежаются краткими, но глубокомысленными рассуждениями сугубо номиналистически-дефиниционного характера о понятиях глобализма и глобализации. Кроме этого, автор заверяет нас в том, что глобализация – это вовсе не так уж и плохо, не повод для пессимистически-суицидальных настроений и поспешных действий по их реализации. Апофеозом же является конкретный пример того, что Бек понимает под глобализацией. Речь идёт о баварской пенсионерке, проводящей половину своего заслуженного отдыха в Кении. По мнению Бека, она является уже не жительницей Баварии или Кении, а гражданкой мира и носительницей глобальной идентичности (Бек 2001: 131). У российского комментатора книги возникает вполне резонный вопрос: а как же обстоит дело с кенийскими пенсионерами (Филиппов 2001: 287)? Они также проводят половину своего времени, катаясь на лыжах на горных курортах Баварии? Стоит вспомнить в этой связи и о российских

князьях, графьях, да и представителях большевистской элиты, весьма склонных к осуществлению своей деловой и рекреационной активности в некоторых европейских государствах. И возникает навязчивое подозрение, что процесс глобализации начался уже давно и застрельщиками его, а также предтечами мирового гражданства и космополитической идентичности явились упомянутые категории наших предков. Или, возможно, испанские конкистадоры и прочие представители относительно цивилизованных наций, пришедшие к народам Африки, Америки и Азии с мечом и Библией в руках? Или же крестоносцы, а также арабы, турки-османы, монголы и гунны, образцы цивилизационно-глобализационной активности так хорошо усвоили и воспроизвели на практике вышеупомянутые конкистадоры? Воспроизвели более систематически и основательно, как и полагается более просвещённым нациям, достигшим более высокой ступени цивилизационного развития.

Ещё один певец глобализации по-детски радуется возможности покупать разные экзотические блюда и предметы, не выходя за пределы своего квартала в Лондоне (Albrow 1999: 27-46). За пределы квартала он, впрочем, охотно выходит, озабоченно мотаясь по тем самым странам, откуда происходят приобретаемые им блюда, и просвещая тамошние элиты о сути и векторе протекания процессов глобализации. Имеет место, однако, подозрение, что подавляющее большинство обитателей этих экзотических стран не могут ответить взаимностью, приобретая аутентично английские блюда и систематически появляясь на берегах Темзы для консультирования британской элиты по вопросам правильной организации глобализационных процессов. Внешний формат отношений меняется с национального на глобальный, их же глубинные социальные асимметрии и нересипрокности остаются теми же. Глобализация странным образом оставляет их без изменения, если не считать таковым некоторое усугубление. В случае же Мартина Олброу явно имеет место подмена социального анализа облачением собственных непосредственных впечатлений и переживаний в наукообразную терминологию.

И совсем уж неприличной представляется профанация научного знания, перевод его из эпистемологического в доксический формат некоторыми представителями предельно вульгарного гегельянства и линейного эволюционизма. «Линейный» означает при этом за-, сверх- и беспредельную степень вульгаризации. В качестве примеров можно взять тезис о конце истории Фрэнсиса Фукуямы и комментирующий текст Владислава Иноземцева, провозглашающий наступление постэкономической эры (Иноземцев 1999). Названные авторы столь же воодушевлёны крушением восточного, он же социалистический, блока, сколь в своё время родитель второго из них был воодушевлён его существованием и поступательным развитием. В этом экстатическом воодушевлении и с усердием, достойным лучшего применения, они продолжают обнаруживать «концы» классового общества и идеологии, исполнять реквиемы марксизму и коммунизму, вдохновляясь в этом примером Дэниела Белла и Ральфа Дарендорфа. Крушение восточного блока в этом свете предстаёт как кардинальный сдвиг в протекании глобализационных процессов. Пусть победа над ним и обозначается злыми языками как пиррова всего лишь пару десятилетий спустя (Priester 2003), после того как удалось основательно вкусить плоды этой победы на Балканах, в Африке и других регионах мира. Однако же она обеспечила утверждение в глобальном формате отношений рыночной экономики и конкурентной демократии, столь же безальтернативных, как пытались представить социалистический путь развития учёные его апологеты в эпоху развитого социализма. Последние были весьма усердны в выдавании желаемого (сильными мира того) за действительное, обещая наступление парадиза на земле в случае, если граждане будут вести себя соответственно указаниям этих самых сильных. Однако тем апологетам было далеко до Фукуямы. Сей «метафизический спекулянт» (по определению Эрика Хобсбаума: Hobsbawm 1995: 6), провозгласил в связи с позорным крахом социализма свершившийся факт наступления парадиза, хоть и в общих чертах, и нуждающегося ещё в частных поправках и улучшениях. Опынение успехом и пребывание в грёзах чреватو тяжким пробужде-

нием, которое и произошло под гром взрывов 11 сентября 2001 г. Вместе с пробуждением пришло прозрение, что «безальтернативная система» не может ни существовать, ни определить самоё себя без наличия альтернатив. Причём сжитая до того со свету белого альтернатива была отнюдь не самой неприятной, как это казалось во времена оны.

б. Неравномерность как центральная характеристика развития, соотносимого с понятием глобализации. Уточняя понятие глобализации с целью представления его в форме, позволяющей определить проблемную направленность научного исследования или дискуссии, можно говорить о неравномерности как одном из качеств, характеризующих процессы, соотносимые с сугубо неудачным понятием глобализации. Неравномерность эта имеет различные аспекты и измерения.

ба. Временной аспект. Нацеленность на достижение любой ценой максимально возможного на данный момент экономического роста как основы решения политических, социальных и прочих задач приводит к воспроизводству модели развития, характеризуемой чередованием этапов подъема и спада. Более разумной представляется политика, направленная не только и не столько на форсирование роста, но и на обеспечение социальной и политической стабильности при его отсутствии и даже отрицательных показателях³. Необходимость таких коррективов обусловлена как экологическими мотивами, так и состоянием беспомощности, в котором оказываются нации, пережившие феномены так называемого "экономического чуда" (Германия, Япония, несколько раз – США и т. д.) и вступившие после этого в полосу спада. Данный сценарий вполне вероятно предположить и для России по истечении действия макроэкономических факторов, связанных с повышением цен на нефть и некоторой активизацией рыночных стимулов экономического роста.

³ Для пояснения альтернативы можно сопоставить развитие Австралии, сохраняющей стабильные темпы медленного экономического роста на протяжении десятилетий, и Аргентины, где фазы 10-процентного роста на протяжении тех же самых десятилетий перемежаются фазами экономического спада (Godio 2004: 130 и далее).

Создание социальной, политической, инженерной и прочей инфраструктуры, ориентированной на постоянное и возрастающее вливание средств чревато кризисными, а порой и социально-катастрофическими явлениями в ситуации, когда эти вливания оскудевают. На возможные катастрофические последствия культурного и политико-идеологического характера указывает произошедшая в промежутке между 1994 и 1998 гг. в России инверсия в соотношении ценностных предпочтений. Если в 1990 и 1994 гг. (до дефолта 1998 г.) процент предпочитавших свободу превышал долю сторонников безопасности в 2 раза, то в 1998 и 2002 гг. (после дефолта) наблюдалось обратное соотношение⁴. Взаимосвязь между инверсией ценностных представлений и дефолтом остаётся гипотетической и требует специального изучения, однако слишком уж выразительны ассоциации с процессами взрывного формирования электорального потенциала национал-социалистической партии Германии в начале 30-х гг. Сходство в контексте: экономический кризис. Сходство в индикаторах настроений, лёгших в основу электоральных симпатий: карательные притязания, обострённое чувство безопасности. Предположительно, сходство в социальном профиле слоёв, наиболее подверженных формированию карательно-популистских ориентаций под воздействием угрозы материальному благополучию: средний класс (Kraushaar 1991: 30 и далее). Фактор, смягчающий риск аналогичного развития в России: слабость и немногочисленность среднего класса.

Нынешняя специфика экономического развития, определяемая процессами в сфере виртуальной экономики с характерными для неё финансовыми кризисами, неуправляемыми финансовыми потоками и т. п., вряд ли даёт основания ожидать стабильности и устойчивости. Следствием такого экономического развития является политическая ситуация перманентного пребывания

⁴ Вопрос предполагал именно выбор между свободой и безопасностью: «Что бы Вы предпочли: государство, обеспечивающее свободу личности, что может приводить к уменьшению безопасности, или государство, которое обеспечивает больше безопасности, но ограничивает свободу личности?»: Лапин 2003: 86.

на бочке с порохом. Реализацию связанных с этой ситуацией рисков в современном мире можно наиболее отчётливо наблюдать на примере внутри- и внешнеполитического курса США.

бб. Пространственный аспект неравномерности состоит в том, что действия, направленные на обеспечение экономического роста в определённых регионах, имеют следствием неожиданные, непредсказуемые и подчас социально деструктивные процессы в иных регионах. Образование гетто в результате действия динамики рыночных отношений, колебаний цен на недвижимость и земельные участки выходит за пределы отдельных городов и государств и принимает глобальный характер. В частности, значительные пространства африканского континента превращаются в "фавеллы мира", а российская глубинка – в "хрущобы России".

Апологеты глобализации рынка, правда, в ответ на критику обострения пространственной неравномерности приводят убийственный контраргумент «сравнительных преимуществ». Этим контраргументом они пользуются как распятием против изысков лукавого, и обычно с тем же успехом. В самом деле, зачем культивировать зерновые там, где сочные луга позволяют с наименьшими издержками держать поголовье скота? И зачем держать скот там, где климат и почва позволяют получать невиданные урожаи зерновых с наименьшими издержками⁵? Если каждый из отдельных видов продукции производить именно в той части планеты, где издержки производства его наиболее низкие, а потом обменивать, это, несомненно, приведёт к повышению уровня благосостояния планеты в целом. Нужно только устранить все возможные препятствия на пути свободного обмена. Логика столь же железная, сколь и ограниченная условиями наличия дешёвого топлива, с использованием которого перевозятся товарные массы, включая навоз из скотоводческих регионов в земледельческие. А ну как топливо не будет таким дешёвым? Военно-полицейской защитой прав человека, «вбомбардировыва-

⁵ Может быть, впрочем, чтобы уснащать навозом пашню?

нием» демократии, христианских ценностей и крестовыми походами против мирового зла можно лишь получить доступ к существующим запасам углеводородов, да и то не всегда. Увеличить же эти запасы такими методами вряд ли возможно, к вящему неудовольствию либерал-крестноносцев. В случае же удорожания топлива селения, ориентированные рыночными механизмами и стимулами на животноводство, только животноводство и ничего кроме животноводства, окажутся перед трилеммой. Либо они останутся при своих навозных массах без зерновых кормов, либо будут платить за доставку кормов на порядок дороже, нежели если бы они производили их у себя, либо же придётся восстанавливать инфраструктуру производства зерновых (Busse 2004: 72).

бв. Социально-пространственная неравномерность находит свое наиболее яркое воплощение в "относительной депривации" свободы перемещения. Для определенных категорий граждан действительно устраняются границы, перед значительными же группами населения возникают (и искусственно создаются) всё новые экономические, административные и иные барьеры. Характерным примером является усиление визового и таможенного режимов в различных государствах под истерически-параноидальным предлогом борьбы с международной организованной преступностью, терроризмом, наркоторговлей и нелегальной миграцией. Демагогия и параноидальность состоят в заведомой неэффективности и зачастую – контрапродуктивности принимаемых мер. Реально выигрывают от них лишь организованные преступные группы, включая коррумпированные государственные инстанции, за счёт повышения цен на предлагаемые ими нелегальные услуги (Лев Тимофеев называет это "рентой на запрет": Тимофеев 2001: 210, 235, 239). В итоге, вместо расширения свободы передвижения, имеет место лишь модификация механизма селекции граждан на обладающих и не обладающих реальной свободой передвижения. Реальная свобода (также как и свобода "ночевать во

дворце") достаётся на долю лиц, обладающих определённым экономическим статусом. На долю остальных, наряду со свободой "ночевать под мостом", приходится экономическое давление, заставляющее их покидать экономически дезорганизованные регионы их проживания и искать заработка в роли официантов, грузчиков, проституток в экономически (пока ещё) процветающих уголках мира.

На счёт экономических и административных барьеров следует отнести также сокращение реальных возможностей для путешествий значительных масс населения бывшего СССР, что усиливает и без того малоприятные эффекты относительной депривации. Параллельно расширению свободы передвижения для одних категорий населения происходит сужение таких возможностей для других. Директорат предприятий имеет гораздо больше возможностей для деловых и псевдоделовых поездок по всему миру, в то время как технический персонал, например уборщицы, не может позволить себе посетить родственников в бывших братских республиках либо отдохнуть на черноморском побережье. С принципами меритократии или соответствия между объёмом вознаграждения и социальной полезностью вознаграждаемых усилий это не имеет ничего общего. Содержание физического пространства в чистоте имеет значительно более высокую и явную социальную ценность, нежели засорение экономического, политического, социального и прочего пространства коррупционными транзакциями.

В качестве обоснования селективности эмансипации и либерализации активно педалируется тезис о расширении возможностей злоупотребления свободой по мере расширения самой свободы и необходимости отсекаать эти негативные возможности репрессивными методами. В современном понимании реальная свобода предстаёт в виде свободы выбора для немногих, которая умеет агрессивно защищать себя от злоупотреблений путём подавления свободы большинства.

бг. Центральным является **функциональный аспект неравномерности**. Одно из проявлений диспропорциональности развития состоит в деградации систем социальной помощи, правовой защиты труда и иных правовых регуляторов социальных отношений с экспансией рыночных отношений в освободившиеся социально-регулятивные пространства. Однако в целом, проблематика нарушения функционального баланса носит более общий характер. Отсутствие экономического роста ставит политическое руководство перед угрозой фиаско на выборах и атрофии фискальных источников финансирования социальной политики. В итоге, политическая система последовательно превращается в заложницу экономического роста и придаток экономической системы. В основном она занята обеспечением бесперебойного протекания процессов (и эксцессов) обращения капитала и потребления. Данные процессы и эксцессы представляют собой *modus vivendi* и становой хребет экономической системы в её существующем виде, при мнимом отсутствии жизнеспособных альтернатив после всемирно-исторической победы капитализма над социализмом. Святая цель обслуживания экономических процессов оправдывает всё более широкий спектр средств, включая тоталитарные формы контроля, государственный террор и военные акции с грубым попранием международного права. Учитывая это, приходится признать, что продолжение наблюдаемых тенденций развития без внесения в них существенных корректив открывает малоприятную перспективу становления общества, характеризуемого сочетанием стихии рыночных отношений, авторитарной политической системы и полуживых (в иной редакции полумертвых) институтов социальной помощи (наиболее близкий эмпирический коррелят данной конструкции представляет собой современный Китай). Заслуживает упоминания ещё один диссонанс в развитии отношений между различными системами в процессе так называемой глобализации. Глобальные товарно-финансовые рынки формируются семимильными скачками. В отношении международных рынков труда, развитие которых всемерно замедляется миграционной политикой, более уместно вести речь о черепаших темпах. В формировании же

глобального правового пространства и развитии институтов международной политики с 80-х гг. истёкшего столетия и вовсе возобладали регрессивные (и репрессивные) тенденции.

7. Многозначность понятия глобализации и амбивалентность реального развития. Границы понятия глобализации очень растяжимы, они могут вместить в себя неограниченное количество различных парадигм, направлений, перспектив и подходов. В результате теряются какие-либо чёткие ориентиры концептуальной привязки, дискурсивное поле становится диффузным. Создаётся иллюзия осуществления мечты теоретиков интегративной направленности – состояния сладкой гармонии, этакое концептуального парадиза. Такого рода солидарность социальных аналитиков, согласившихся в принципе относительно философских основ и социальных функций социального знания, Дюркгейм определил бы как механическую. Она покоилась бы на гомогенности и (внешнем) согласии, – в отличие от органической, которая была бы построена на различиях, перманентном обмене, конфликтах, их разрешении и т. п. В данной конструкции, под всеобщепримирающей концептуальной крышей нашли бы своё место прежде непримиримые теоретические элементы микро- и макросоциологии, детерминизма и акционизма, структурного и волюнтаристского анализа и т. д. И волки целы и овцы сыты, только вот ситуация эта равнозначна прекращению того самого спора, в котором, как известно, рождается истина. Отсюда и высказанное уже выше предположение, что эксцессивная приверженность представителей социальной науки концепту глобализации является патологическим фактором в процессе автопойезиса научной коммуникации и препятствует адекватному выполнению социальной наукой своих функций в обществе.

Реальное развитие носит в высшей степени амбивалентный характер. Наряду с интеграцией наций, культур и регионов происходит дробление, распадение прежде интегрированных систем (Bauman 2001). Оба разнонаправленных процесса носят в разных случаях более или менее глубокий или,

наоборот, поверхностный; всесторонний, или, наоборот, однобокий характер. Об интеграции с большей или меньшей долей осторожности можно говорить на примере Европейского союза или отношений между США и Мексикой. Дезинтеграционные процессы преобладают на пространствах бывшего Советского Союза, Югославии, Восточного блока в целом. Падение стен, занавесов и стирание границ (Берлинская стена, Железный занавес) тут же сопровождается возникновением новых: границ Шенгенской зоны и крепости «Европа» с отчётливо параноидальными системами визово-пропускного режима, стены между США и Мексикой, между Израилем и Палестиной. Одну сторону медали представляют собой случаи безнасильственного урегулирования межнациональных и межгосударственных отношений, формирование глобального мышления и космополитизма. Другая её сторона – ренессанс самых «диких» форм национализма и трибализма, межцивилизационных конфликтов, терроризма и антитеррора⁶. Сердцевину этой амбивалентности составляет всемерное укрепление границы, которая имеет порой реально-физическое, порой виртуальное, порой социально-пространственное оформление. Она проходит между государствами и внутри них, в пределах отдельных городов, домах, в головах и межличностных отношениях. Речь идёт о границе между включёнными в функциональные системы общества и исключёнными из них индивидами и группами населения. Понятие глокализации несёт в себе скорее уход от проблем, вытекающих из амбивалентности, нежели какую-либо из альтернативных возможностей решения этих проблем. То, что глобализация сопровождается локализацией и наоборот, истина столь же пустая и формальная, как и наличие двух сторон у любой медали.

8. *Альтернативные теоретические проекты.* Помимо процессов, соотносимых с понятием глобализации, наблюдается целый ряд иных, содержание которых лучше покрывается или передаётся другими понятиями. Они могут

⁶ Говорить о дикости национализма и трибализма можно только в кавычках, поскольку явления эти являются такими же плодами цивилизации, как, скажем, и пытки, этнические чистки, концентрационные лагеря и ядерные бомбардировки.

частично пересекаться со смысловым полем концепции глобализации или находиться в совершенно иной смысловой плоскости, не имея с глобализацией решительно ничего общего. В качестве примеров можно назвать, в частности, усиление процессов включения/исключения. Они имеют направленность, обратную интеграции, однако социальный смысл их не укладывается в русло дискурса глобализации, большей частью своей относясь к дискурсивной сфере проблем неравенства, угнетения, маргинализации⁷. Другой пример – освобождение или выпадение индивидов из идентификационных каркасов классовой, религиозной, национальной, гендерной и иной принадлежности, в результате чего на долю индивида приходится свобода и необходимость самостоятельно определять свою идентичность, принимая при этом решения, не поддающиеся просчёту и предвидению. Некоторые усматривают основной вектор развития человечества в расставании с любимыми большими сказками, рассказами и иллюзиями, а также надеждами на обладание критериями различения добра и зла, лжи и истины, красоты и безобразия. Другие говорят о вытеснении насильственных образцов взаимодействия и гегемониального обеспечения собственных индивидуальных и групповых интересов делиберативными формами нахождения консенсуса в процессе рациональных дискурсов. Менее оптимистичным является диагноз усиления центробежных тенденций различных функциональных subsystemов общества, каждая из которых обладает собственной логикой и рациональностью, «оперативно закрыта» для других subsystemов при отсутствии какого-либо начала, механизма или посредника, способного объединить subsystemы в единое целое или обеспечить их взаимное понимание. Можно вспомнить ещё целый ряд теоретических предложений с префиксами «пост» и «нео» (постиндустриализм, постматериализм, постфордизм и т. д. и т. п.).

⁷ Следует оговориться, что проблематика включения/исключения понимается здесь в ином смысле, нежели Бекон/Гидденсом, которые усматривают в ней нивелирование традиционных классовых различий распределения жизненных шансов и рисков – риск исключения якобы не зависит от классовой принадлежности и одинаков для представителей всех классов и сословий (Goldthrope 2003: 308).

Ряд концепций текущего развития предложен с позиций социальной критики, в наибольшей степени разделяемых автором данной работы. Авторство одной из таких концепций принадлежит Зигмунту Бауману, наблюдающему становление "общества потребителя" (*consumer society*: Bauman 1998). В таком обществе роль центральной детерминанты социального статуса и идентичности в возрастающей мере переходит от места в системе отношений производства к месту в системе отношений потребления. Ответы на вопросы "кто я есть, и в какой степени я заслуживаю социального признания" выводятся не из того, что и с каким успехом я произвожу, а из того, что и с каким успехом я потребляю. Достаточно яркой иллюстрацией данного развития является повышение социального статуса лиц, занятых в сфере финансовых спекуляций или же разного рода звёзд шоу- и порнобизнеса по отношению к лицам, занятым в сфере материального производства, не говоря уже о социальной сфере⁸. Можно, конечно, предположить, что относительное повышение статуса звёзд и спекулянтов связано с повышением социальной оценки их услуг и заслуг, общественной полезности и вклада в общее благо. Это означало бы, что характер производственной активности по-прежнему определяет социальный статус, признание и самопризнание. Однако Бауман предлагает иное объяснение, более щадящее имидж общества. Согласно ему, дело вовсе не в социальной ценности и общественной полезности услуг и заслуг – эти обстоятельства просто теряют свою значимость на фоне возрастания роли количественных и качественных параметров потребления. Данные наблюдения находятся во фронтальном противоречии с концепцией постматериалистического изменения структуры ценностей (ожесточенно полемизирует против данной концепции также Дорис Люкес: Lukes 2000).

Эксплицитный вызов другой, менее популярной и более фундаментальной теоретической конструкции – концепции дифференциации функциональ-

⁸ В этой связи вспоминаются скандальные результаты опросов учащихся средних школ в России в 1990-е гг. по вопросу престижности профессий и сфер занятости. В частно-

ных подсистем общества – содержит тезис Зигхарда Неккеля о становлении рыночного общества (Neckel 2001: 255; см. также Зак 1999: 99). Речь идет не об обществе, экономическая система которого функционирует на основе рыночных принципов, да и не об экономике вообще. Предметом критического анализа является экспансия экономических отношений в иные жизненные сферы и системные области: политику, искусство, право, науку и т. д. Этот процесс обладает обратной направленностью по отношению к дифференциации и взаимному закрытию функциональных систем – развитию, нашедшему воистину грандиозное теоретическое и эмпирическое обоснование в работах Никласа Луманна. Код экономической коммуникации вытесняет собственные структурные принципы функционирования иных систем и подчиняет их себе. Ближайшей медицинской аналогией данных мутаций являются злокачественные новообразования и процессы их метастазирования. Неккель рассматривает культурные импликации данного процесса, характеризуемого более политизированными авторами как становление и развитие рыночного тоталитаризма (Barber 2004: 12; Forrester 2002; Golbert 2003: 175 и далее).

Наконец, один из теоретических проектов основан на констатации признаков ревизии (в одностороннем порядке) достигнутого ранее компромисса между трудом и капиталом. Эти признаки всё более отчетливо проявляются в развитых (пост?)индустриальных странах, начиная со второй половины 70-х гг. недавно истекшего столетия. Процесс ещё явно не получил достойного теоретического осмысления и не встретил должного практического сопротивления. Начало его ассоциируется с именами и политикой Маргарет Тэтчер и Рональда Рэйгана. Возглавлявшиеся названными лицами администрации нанесли мощные удары по профсоюзам, и без того ослабленным уже в результате пост- и деиндустриализации. Они благодетельствовали работодателям существенными налоговыми льготами и осуществили значительное со-

сти, профессия проститутки занимала лидирующие места у девочек, а профессия рэкетира – у мальчиков, намного превысив, скажем, рейтинг профессора.

крашение правовой защиты труда и социальной помощи⁹. Государство сбросило овечью шкуру нейтралитета в отношениях между трудом и капиталом (между профсоюзами и работодателями) и встало на позиции защиты интересов имущих классов. Эта метаморфоза имела уголовно-политические аспекты. Уголовная репрессия всегда характеризуется селективным преследованием преимущественно низших слоёв общества. Опять же всегда она является средством воздействия на симптомы существующих диспропорций в социальных отношениях. Основной целью такого воздействия является реальное и показное устранение необходимости воздействия на сами диспропорции: уголовная репрессия является альтернативой социальной защите и социальному реформированию. Поэтому усиление репрессии вписывается в контекст консервативно-реакционной политики, направленной на защиту интересов имущих классов от претензий классов неимущих. Не углубляясь в подробную характеристику данной смены приоритетов и ориентаций, можно привести следующую её характеристику: «На место ... баланса между предпринимательским успехом и общественным благом пришло краткосрочное повышение курса акций, паевой стоимости (*shareholder value*) и доходов управленческого (менеджерского) персонала, которое оттеснило на задний план все остальные макроэкономические и общественные ценности, в частности, сохранение и создание рабочих и учебных мест» (Demuth & Fries 2004: 48). Приход либеральных администраций на смену консервативным не изменил данного курса, в связи с чем есть основания полагать, что речь идёт о чём-то большем, нежели кратковременные колебания политической конъюнктуры. Дискурс глобализации пришёлся очень ко двору модернизаторам от социал-демократии. Он предлагает оправдания. Оправдываться же есть в чём: в ре-

⁹ Всё это должно было принести экономическое оздоровление и создание новых рабочих мест. С уверенностью можно говорить только о некоторых относительно устойчивых эффектах экономического оздоровления лишь в Объединённом королевстве. В Соединённых же Штатах ожидаемые эффекты либо не наступили вообще, либо имели очень уж непродолжительный характер – возможно, отчасти, потому, что здесь программа нелиберальных экономических реформ проводилась в жизнь наиболее последовательно и однобоко.

визии собственных программных позиций, в политической картеллизации с отрывом от собственного социального базиса, в курсе на демонтаж социального государства и продолжении неолиберального курса дерегулирования и флексибилизации (или, пользуясь выражением Пьера Бурдьё, флексплуатации). Всё это якобы происходит под давлением «объективных» процессов глобализации (Blyth 2003).

9. *Нищета интеграционизма и иные познавательные-теоретические импликации.* Итак, мы имеем дело с несколькими альтернативными видениями, описаниями и осмыслениями текущего развития. Каждое из них более или менее убедительно характеризует какой-либо из аспектов действительности и в каждом же заложен некоторый потенциал собственной абсолютизации, узурпации ранга единственно верной теории. Такая теория претендовала бы на «объективное» отражение «истинного» положения дел, исключая альтернативы, способные в равной степени претендовать на «истинность» и «объективность». Каждая из перечисленных выше концептуальных моделей пользуется более или менее широким признанием в научном и популярностью во внеучном сообществе, политической и идеологической конъюнктурой. Каждая обладает некоторой внутренней непротиворечивостью, собственной определённой понятиями; каждая относительно идиосинкратична (закрыта) и **лишь в некоторой степени** совместима с альтернативными теоретическими конструкциями. Последнее обстоятельство указывает на невозможность интеграции их в некую единую метасистему, объединяющую постмодернизм, неомарксизм, теорию рефлексивной современности и общества как коммуникации и т. д. Плодом такой гибридизации может быть лишь лоскутное одеяло. Под ним, возможно, тепло спать, но оно не способно дать внутренне непротиворечивой картины действительности. Логическая интеграция альтернативных теоретических проектов, подведение их под общий знаменатель представляется делом бессмысленным и бесплодным, невыполнимым или выполнимым лишь ценой профанации, выхолащивания и нивелирования их

аутентичного смысла, сведения к бессодержательной абстракции вроде принципов самоорганизации или диалектики¹⁰.

Из сказанного вытекает отрицание теорий научного познания как «отображения» или «соответствия» (*Korrespondenz- und Abbildungstheorien*). Такие теории предполагают, что наука стремится предложить картину действительности, «как она есть» (Luhmann 1995: 52, 328; Sack 2002: 78). Подобная картина явилась бы изображением огромного количества гетерогенных элементов и взаимосвязей между ними, разобраться в которых не было бы никакого реального шанса. Слабое приближение представлял собой мультифакторный подход в криминологии, в рамках которого была предпринята попытка привести в систему все биологические, психические и социальные факторы, детерминирующие преступное поведение. Попытки были оставлены, когда число лишь наиболее важных факторов достигло четырѐхсот, не поддающихся обзору, не укладывающихся в единую концептуальную схему и поле зрения. То, что делает наука, это не моделирование действительности «как она есть», не отражение, а разложение её на элементы и рекомбинация (*Aufloesung und Rekombination*: Luhmann, там же). При этом происходит отбор более от менее важного (или релевантного в рамках данной референтной или концептуальной системы). Очевидным является хотя бы факт, что в действительности нет каких-либо естественных границ между той же биологической, физической, социальной и психической реальностью: границы эти являются результатом именно акта разложения, о котором пишет Луманн. Теперь давайте представим себе «общенаучную» картину реальности, нарисованную без данного дисциплинарного разграничения – это будет либо пре-

¹⁰ Это же относится к попыткам создания междисциплинарных, например социобиологических или социопсихических, моделей конкретных эмпирических феноменов, например, преступного поведения. Если кто-то сомневается, пусть попробует предложить единое понятие социальной структуры, применимое в концептуальной конструкции, объединяющей марксистскую классовую теорию и теорию функциональной дифференциации Луманна (или уж, тем более, интегрировать марксизм с теорией модернизации).

дельно поверхностная картина, либо же не поддающийся восприятию и осмыслению конгломерат гетерогенных элементов.

В основе разложения и рекомбинации лежит не «объективный» смысл исследуемых явлений и процессов, а критерии собственно научной коммуникации¹¹. Эти критерии определяют, какие аспекты и взаимосвязи выделяются из всей бесконечной их массы, составляющей объект познания, «объективную» действительность или внесистемную (по отношению к науке) среду. Какие аспекты и взаимосвязи, и в какой комбинации между собой объявляются центральными, важными, системообразующими, определяется тем, через призму каких ключевых понятий наблюдается действительность, а не тем, какие элементы её являются центральными и важными, и как они взаимосвязаны «на самом деле». «На самом деле» или во вненаучной действительности не существует важности и центральности, количество же взаимосвязей столь велико, что важнейшей задачей является их селекция с точки зрения не их имманентных признаков, а критериев, имманентных научной коммуникации или наблюдению.

Предложенное понимание отношений между познанием и действительностью, разумеется, является лишь одним из возможных, а не единственно верным. Представляется, однако, что оно достаточно продуктивно и в то же время недостаточно воспринято в научной среде, занятой в подавляющей своей массе разработкой моделей «действительных» отношений в пределах предмета познания. Продуктивно оно, в частности, для понимания отношений между альтернативными теоретическими проектами. Рассматриваем ли мы текущее развитие через призму понятия глобализации, а социальную структуру с использованием понятия классов или же сетевых структур, опре-

¹¹ Важное отличие от кантовских априорных категорий состоит в том, что данные критерии возникают и трансформируются в процессе коммуникации, являясь её предпосылками в той же степени, что и её продуктом. С постмодернистским “*anything goes*” это также не имеет ничего общего, поскольку критерии достаточно жёстко детерминируют протекание коммуникации, позволяя различать между смыслом и бессмыслицей, истиной и «неистиной» (с точки зрения этих критериев, а не соответствия «реальному» положению дел в мире).

деляется не «объективно» преобладающим вектором некоего развития. Выбор диктуется тем, считаем ли мы преобладающими процессы интеграции, стирания или же, наоборот, обострения социальных противоречий; занимаем ли скорее социально-критическую позицию по отношению к существующим отношениям власти и собственности, или, напротив, занимаемся их апологией¹².

10. *Идеологичность глобализационного дискурса.* Протекание научной коммуникации и кодирование тезисов как истинных либо неистинных, значимых либо незначимых и т. д. детерминирована собственной структурой этой коммуникации. В этом нет ничего предосудительного или ненаучного, если происходит рефлексия оснований для занятия тех или иных позиций, принятия тех или иных понятий в качестве исходных или ключевых. В идеальном случае, такие основания формируются в сфере научной коммуникации, исходя из её собственной системной логики. Однако в реальности идеальных случаев не бывает, и в решение научных вопросов неизбежно привлекают экономические, политические и культурные факторы и мотивы. Признание значимости таких внешних влияний принципиально несовместимо с системно-теоретической концепцией познания Луманна, как это он сам утверждает вполне эксплицитно и многократно. Выход за пределы его концепций не обязательно предполагает оспаривание автономии и оперативной закрытости систем. Напротив, их можно признать для того, чтобы тут же отвлечься от них и обратиться к вопросам взаимопроникновения и взаимозависимости систем. В таком случае, мы исходим из картины мира с гораздо более прозрачными межсистемными границами и гораздо более интенсивным взаимодействием между системами, нежели это допускается теорией Луманна и

¹² Это отнюдь не освобождает нас от необходимости обоснования собственных позиций, решений в пользу тех или иных категорий и представлений о значимости. Напротив, эта необходимость существенно усугубляется в рамках предлагаемой парадигмы познания. Однако решающим аргументом такого обоснования становятся не отношения вне научной коммуникации, независимые от неё; и не соответствие научных конструкций таким внешним отношениям.

предложенным в ней понятием структурных сочленений (*strukturelle Kopplungen*). Такая картина не является более верной или соответствующей «действительности», нежели предложенная Луманном. Она является лишь альтернативной и выделяет те аспекты, взаимосвязи и понятия, которые остаются на заднем плане в теории Луманна. Даже в его всеобъемлющей теоретической системе невозможно охватить все возможные элементы действительности, в силу чего неизбежны селективное выделение и рекомбинация элементов – этот тезис вытекает из аутологичного обращения логики Луманна на самоё себя.

Предлагаемая ревизия взглядов Луманна состоит в признании за тезисом автономии систем статуса относительности. Пребывание в пределах системы науки либо выход в пространство идеологии, экономики, журнализма определяются не строгим и однозначным выбором между научным и ненаучным кодами коммуникации, не в виде дилеммы. Речь идёт скорее о преобладании того или другого. Смысловая область науки – это некий универсум, идеально-типический центр которого являет собой случай строгого применения научного, только научного и никакого кроме научного кода коммуникации, различающего между истиной и неистинной. Иные коды различают между добром и злом, прекрасным и безобразным, господством и подчинением, легальным и нелегальным, обладанием и необладанием собственностью. Чем больше примесей, создаваемых участием иных кодов, тем более удаляется данный конкретный случай коммуникации от центра к периферии. Наконец, коммуникация перестаёт быть научной, если политический, экономический либо иной вненаучный код начинают превалировать над научным. Об извращении можно говорить, если такая коммуникация продолжает определять самоё себя либо воспринимается извне как наука. Точное определение грани, до которой наука остаётся наукой, и соответствующая идентификация конкретных дискурсивных практик по ту или иную сторону этой грани невозможна. Она и не нужна: в социальной жизни многое построено как раз на не-

определённости и многозначной идентификации¹³. Вполне достаточно возможности суждения о случаях явного и эксцессивного доминирования вне-научных мотивов в коммуникации, определяющей себя как научная. Такой эксцесс был характерен для значительных сегментов социальной науки в странах социалистического блока, равно как и противоположных течений пара-, псевдо- или квазинаучной мысли, представленных работами Фридриха А. фон Хайека, Ричарда Пайпса, неолиберальной теологии рынка.

Вышесказанное исключает в принципе любой разговор о глобализации как «объективно» преобладающем векторе развития. Преобладает он лишь постольку, поскольку значительные массы научной и вненаучной общественностью предпочитают рассматривать его как преобладающий по отношению к альтернативным, зачастую противоположным тенденциям. В некоторых случаях, возможно, приводится более или менее глубокое обоснование данных эпистемологических предпочтений. Автору данной работы, однако же, при достаточно обширном знакомстве с глобализационным дискурсом, досадным образом попадались на глаза лишь весьма поверхностные обоснования. То, что лежащие на поверхности факты развития воздушного сообщения и Интернета, глобальных рынков и транснациональных корпораций означают или ведут к изменению человека, общества и культуры, глубинных, базовых структур действия и мышления, отношений власти и собственности, подлежит доказательству. Таковое, как правило, не предлагается – по всей видимости, уж слишком авторы утомлены перечислением внешних и самоочевидных (впрочем, самоочевидных и без грандиозных усилий авторов) признаков так называемой глобализации. Эти перечисления весьма напоминают декламационные практики овец в оруэлловском «Скотном дворе», направленные на самоубеждение в том, что вещи обстоят соответственно дек-

¹³ Сами попытки однозначной идентификации представляются весьма сомнительными и преимущественно контрапродуктивными вне зависимости от того, осуществляются ли они собственно научными или же вненаучными комиссиями, комитетами и иными органами. Это отчётливо проявляется в официальных практиках сертификации, присуждения учёных степеней, принятия текстов к опубликованию, выделения грантов и т. д.

ламируемым лозунгам. Напрашивается ещё одна литературная параллель: вспомним диалог персонажей Михаила Булгакова на арене московского цирка:

...скажи мне, любезный Фагот, – осведомился Воланд..., ведь *петербургское* народонаселение значительно изменилось?...

– Точно так, мессир, – негромко ответил Фагот-Коровьев.

– Ты прав. Горожане сильно изменились, **внешне**, я говорю, как и сам город, впрочем. О костюмах нечего и говорить, но появились эти... как их... *компьютеры, Интернет...*

– *World Wide Web*, – почтительно подсказал Фагот.

Физиономия *Глобальского*, приютившегося сбоку сцены, начала выражать недоумение. Воспользовавшись паузой, он заговорил:

– Иностраннный артист выражает свое восхищение *Санкт-Петербургом*, ставшим *европейским городом и включенным в процесс глобализации*, а также и *петербуржцами*, – тут *Глобальский* дважды улыбнулся, сперва партнёру, а потом галерее.

Воланд, Фагот и кот повернули головы в сторону *Глобальского*.

– Разве я выразил восхищение? – спросил маг у Фагота.

– Никак нет, мессир, вы никакого восхищения не выражали, – ответил тот.

– Так что же говорит этот человек?

– А он попросту соврал! – звучно сообщил клетчатый помощник и, обратясь к *Глобальскому*, прибавил: – Поздравляю вас, гражданин соврамши!

С галереи прыснуло смешком, а *Глобальский* вздрогнул и выпучил глаза.

– Но меня, конечно, не столько интересуют *Microsoft, Intel* и прочая...

– *Hard-and-soft-ware-дребедень!* – подсказал клетчатый.

– Совершенно верно, благодарю, сколько гораздо более важный вопрос: изменились ли эти граждане *и общество внутренне?*

– Да, это **важнейший** вопрос, сударь.

– Ну что же, ...они – люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота (*или же виртуально-электронные*). Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в и сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... *сделки с недвижимостью* только испортили их...

(Михаил А. Булгаков [1988]: Мастер и Маргарита. – "Мастацкая литература", Минск: 388-9392; все ...пропуски, *изменения-курсив* и **выделения** сделаны В. Г.).

Иногда аргументом в пользу понятия глобализации как одной из ключевых аналитических категорий изучения социальной реальности на данном этапе выступает парадигмально-эпохальное открытие факта взаимопереплетения национально-экономических систем. Открытие это даёт повод по-новому рассматривать мировое сообщество. Оно предстаёт не как совокупность национальных «контейнеров», пусть и взаимодействующих между собой, а как живая система взаимосвязей, существующая вне национальных границ, проведённых «поверх» этих взаимосвязей и лишь опосредованно влияющих на них (Beck 2002: 53). Тем самым предлагается модель, уже задолго до того гораздо глубже разработанная и обоснованная в работах Луманна или представителей школы «вариаций капитализма» без излишнего фанфаронства, трубно провозглашающего наступление новой эпохи (Dauderstaedt 2003: 166). Хобсбаум выделяет свершившийся факт формирования глобальной экономики как единого целого в качестве одного из трёх важнейших различий между состоянием мира в 1914 и 1991 гг. Возникает вопрос, почему же он на этом основании не обозначает текущий или наступающий этап как эпоху глобализации? И почему преобладающая масса коллег поступает противоположным образом? Ведь, основываясь на двух других различиях, выделяемых историком, можно говорить об эпохе «деевропизации» или эре «дезинтеграции прежних моделей социальных отношений, нарушения связи между поколениями, между прошлым и настоящим» (Hobsbawm 1995: 15-16)? Может быть, коллеги уделяют столько внимания одному из аспектов, чтобы не видеть за ним других, более проблемных и тревожных?

Многие из пишущих о глобализации не затрудняют себя рефлексией оснований решения в пользу данного понятия. Дело ясное, и понятие можно брать как данность. Эссенциалистски понимаемыми данностями такого же порядка являются национальные идентичности, половая предрасположенность к выполнению строго заданных гендерных производственных и воспроизводственных функций, демократичность общественно-политического устройства Соединённых Штатов, взаимосвязь рыночной экономики с демо-

кратическим политическим устройством, приверженность христианской религиозной культуры идеям прав человека, предрасположенность исламской религиозной культуры к насилию и т. д. Поскольку склонности к употреблению и злоупотреблению понятием глобализации не даёт собственного обоснования, постольку оно требует внешнего объяснения. Можно предложить несколько вариантов такового – помимо различных догадок, предлагаемых выше, правдоподобной представляется модель «снежного кома», подчёркивающая внутреннюю динамику развития концепции. После того, как дискурс глобализации набрал определённые обороты, и удельный вес его в коммуникации достиг определённой критической массы, он воспроизводит самоё себя. Мы начинаем говорить о глобализации, потому что это принято, модно, потому что все кругом о ней говорят. Потому что это легко воспринимается на слух, не требуя дополнительной расшифровки понятий и тезисов, что облегчает задачу написания заявок на гранты, научных отчётов и работ. В этом смысле, триумфальное шествие понятия глобализации по планете объясняется не его состоятельностью с точки зрения собственно научных критериев, а скорее тем, что оно отвечает критериям вненаучной коммуникации, являясь «раскрученным брэндом».

Почему же брэнд раскрутили? Перефразируя поэта, можно сказать: если брэнд раскручивают, значит, это кому-то нужно... Кто может быть особенно заинтересован в том, чтобы действительность воспринималась и осмыслялась через призму понятия глобализации? Один из ответов предлагает французская журналистка Вивиан Форрестер. Заражение научных, политических и прочих дискурсов идеологемой глобализации на руку ультралиберальным кругам, процветающим и преуспевающим в условиях «нового капитализма» за счёт обострения социальных проблем, затрагивающих интересы значительных масс населения планеты:

«Одним из главных козырей, важнейшим оружием в этом грабительском походе явилось введение в оборот извращенческого понятия «глобализации», якобы определяющего состояние мира, в действительности же затемняющего

его. Будучи расплывчатой этикеткой, лишённой как связи с действительностью, так и точного смысла, понятие включает в себя экономику и политику, общество и культуру, вытесняя их из поля зрения и помещая себя на их место с целью воспрепятствовать любым попыткам предметного анализа этой амальгамы» (Forrester 2002: 7-8).

Понятием глобализации навязывается представление о взаимосвязанности двух процессов. С одной стороны, это очевидный прогресс в развитии науки и техники, производительности труда, межнациональной и планетарной коммуникации. С другой стороны, это не столь доступное для непосредственного наблюдения установление ультралиберального режима экономического и политико-идеологического господства, исключения и подавления¹⁴. Глобализация – понятие, ничего не выражающее как раз в смысловой плоскости второго аспекта, т. е. слепое в отношении анализа отношений господства, исключения и подавления. В силу этого, покрытие им данного аспекта позволяет решить ряд идеологических задач. Первая из них – затруднить вычленение из многообразных взаимосвязей, процессов и отношений технического, информационного, экономического, культурного и прочего характера именно тех, которые должны стать мишенью критического анализа и внесения практических коррективов, диктуемых интересами большинства, подвергаемого подавлению и исключению. Вторая – затруднить восприятие этих отношений в качестве таковых, т. е. навести тень на плетень и воспрепятствовать тому, чтобы вещи были названы своими именами. Третья – исходя из представлений о каузальных взаимосвязях между техническим прогрессом и установлением ультралиберального режима представить тех, кто выступает против последнего, как ретроградов и луддитов, отрицающих объективные закономерности развития, самоочевидные факты и отвергающих достижения научно-

¹⁴ Форрестер полагает, что режим этот не имеет ничего общего с экономикой или политикой, если понимать под ними удовлетворение материальных потребностей или регулирование вопросов, имеющих общественную значимость. Ультралиберализм – идеология, направленная на обеспечение и обоснование условий для удовлетворения голой иррационально-невротической жажды наживы. Институциональное воплощение эти условия находят в спекулятивном и гиперспекулятивном секторах финансовой актив-

технического прогресса¹⁵. Научная позиция по отношению к понятию глобализации предполагает его разложение и рекомбинацию, основные процедуры научного процесса согласно Луманну¹⁶. А также превращение в предмет идеологиокритики (*Ideologiekritik*: нем.).

Подводя итог вышесказанному, следует признать правомерность существования и взаимной критики различных, очень часто взаимоисключающих, подходов к определению понятия глобализации. Любой из подходов далёк от того, чтобы охватить в целом то, что можно понимать как объективную действительность. Каждый из них выделяет те или иные её аспекты на основе априорных научных, идеологических либо иных предпочтений и объявляет именно выделенный аспекты наиболее интересными с теоретической и наиболее значимыми с практической точки зрения. Хотелось бы ещё раз подчеркнуть импликации подхода, декларирующего необратимость и объективность процесса глобализации. Соответственно представленной здесь позиции, за данной декларацией **объективности** скрывается лишь **субъективный** (а следовательно и «обратимый», т. е. доступный для реконструкции и деконструкции) выбор. Он основан на предпочтении анализа тех аспектов действительности, которые позволяют представить процесс как протекающий вне зависимости от наших и не наших желаний и нежеланий, интересов, надежд,

ности, бесконечно удалённых (на сотни световых лет) от того, что можно определить как материальные потребности либо общественные интересы.

15 Что вполне логично, если исходить из допущения, что ультралиберализм – дитя прогресса, а дальнейший прогресс наилучшим образом обеспечивается именно режимом ультралиберальных отношений. Однако допущение это слишком уж вольное. Более правдоподобно предположить обратное: что ультралиберальный режим является как одним из тупиков истории, бастардом эволюции, так и препятствием на пути дальнейшего прогресса, в силу чего важнейшим условием последнего является демонтаж данного режима.

16 Подобное разложение предпринимается в книге Бека в виде различения между глобализацией и глобализмом (Бек 2001), в чём следует признать несомненную заслугу автора. Однако глубина анализа отношений между различаемыми понятиями и феноменами оставляет желать лучшего. Бек не осознаёт значимости и импликаций собственной идеи, не использует содержащегося в ней потенциала и упускает тем самым шанс предложения более сильной концептуальной модели.

чаяний и опасений. Данная позиция предполагает лишь внесение частных поправок в текущее развитие, не допуская и мысли об обращении вспять ряда составляющих его процессов. И вроде бы опыт социального экспериментирования в истёкшем столетии даёт достаточно оснований для такой осторожности. Следует, однако, помнить, что подобного рода осторожность в совокупности со всеми её явными и неявными идеологическими обоснованиями воспрепятствовала своевременному реформированию социалистической системы. Представления о невозможности обращения вспять ряда протекавших в её рамках процессов обернулись в конечном итоге социально-катастрофическими формами такого обращения. Вполне возможно, что более дифференцированный подход к развитию плановой экономики и обобществления средств производства, выделение в этом развитии аспектов, доступных для обращения вспять и подлежащих таковому был чреват менее катастрофическими последствиями. История не знает сослагательного наклонения, и это предположение звучит как гадание на кофейной гуще. Однако оно побуждает к постановке некоторых вопросов сторонникам необратимости и объективности. Если текущий вектор развития невозможно изменить, какая из следующих альтернатив представляется предпочтительнее? Дальнейшее усугубление неравенства, относительной депривации и исключения с нарастанием всех сопровождающих явлений: международного терроризма, асимметричных войн, организованной преступности, карательного популизма, режима тотального контроля, столь же неэффективного в плане противодействия преступности, сколь губительного для демократических прав, свобод и основ правовой государственности? Или повышение параметров материального потребления в странах, определяемых как бедные, отсталые или развивающиеся (в определённых кругах выражаются более прямо: неполноценные), примерно до уровня «развитых» стран? И следующее за этим моментальное исчерпание целого ряда природных ресурсов, в первую очередь углеводов? А также коллапс глобальной экосистемы, поскольку в обозримом будущем не предвидится технологических возможностей такого выравнивания уровня

материального потребления в глобальном масштабе без возрастания выбросов CO₂, для переработки которых требуется ёмкость примерно шести земных атмосфер (Busse 2004)? Или же всё-таки крамольная альтернатива обращения вспять некоторых процессов, предусматривающая выравнивание уровня материального потребления путём повышения его в некоторых сферах географического и социального пространства, одновременно с ограничением в иных сферах?

Литература.

Albrow, M. (1999): *Willkommen im Globalen Zeitalter*. – In: Pongs, A. (1999): *In welcher Gesellschaft leben wir eigentlich? Gesellschaftskonzepte im Vergleich*. Muenchen: Dilemma-Verlag: 27 – 46

Alexander, J. (1998): *Neofunctionalism and After*. – Blackwell

Barber, B. R. (2004): *End of Democracy? Privatisierung korrumpiert die res publica*. In: *Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte*. – 1+2: 6-12

Bauman, Z. (1998): *Consumer Society and the New Poor*. – Open University Press

Bauman, Z. (2000): *Die Krise der Politik. Fluch und Chance einer neuen Oeffentlichkeit*. – Hamburg: Hamburger Edition HIS

Bauman, Z. (2001): *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. – Cambridge: Polity & Blackwell

Beck, U. (1986): *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. – Frankfurt/Main

Beck, U. (1994): *Jenseits von Klasse und Stand*. – Beck, U. & Beck-Gernsheim, E. (Hrsg.): *Risikante Freiheiten. Individualisierung in modernen Gesellschaften*. – Frankfurt/M.: 43-60

Beck, U. & Beck-Gernsheim, E. (1990): *Das ganz normale Chaos der Liebe*. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp

Beck, U. (1999): *Schoene neue Arbeitswelt*. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp

Бек, У. (2001): *Что такое глобализация? Ошибки глобализма и ответы на глобализацию*. – М.: Прогресс-Традиция

Beck, U. (2002): *Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter. Neue weltpolitische Oekonomie..* – Frankfurt a/ M.: Edition Zweite Moderne, Suhrkamp

Blyth, M. (2003): *Globalization and the Limits of Democratic Choice. Social Democracy and the Rise of Political Cartelization*. – *Internationale Politik und Gesellschaft* 3: 60-82

- Busse, T.: (2004): *Ideologie mit Fakten widerlegen: Neues von den Globalisierungskritikern und ihren Gegnern.* – *Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte* 6: 71-73
- Dauderstaedt, M. (2003): *Review von Beck'2002.* – *Internationale Politik und Gesellschaft* 4: 165-168
- Demuth, Ch. & Fries, J. (2004): *Eine neue Tugend – sozialer Patriotismus.* – *Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte* 6: 48-51
- Дракер, П. (1999): *Посткапиталистическое общество.* В: Иноземцев, В. (ред.): *Новая постиндустриальная волна на Западе.* – М.: Academia: 101-128
- Филиппов, П. (2001): *Печальная глобализация: локальное без границ, глобальное без места. Послесловие к переводу У. Бека...* – М.: Прогресс-Традиция: 283-292
- Forrester, V. (2002): *Die Diktatur des Profits.* – Deutscher Taschenbuch Verl.: Muenchen
- Godio, J. (2004): *The „Argentine Anomaly“: From Wealth through Collapse to Neo-Developmentalism.* – *Internationale Politik und Gesellschaft* 2: 128-146
- Golbert, V. (2003): *Innere Sicherheit in unterschiedlichen gesellschaftlichen Kontexten.* – Lit-Verl.: Muenster-Hamburg-London
- Goldthorpe, J. H. (2003): *Globalisierung und soziale Klassen.* In: *Berliner Journal fuer Soziologie* 3: 301-324
- Joas, H. (2000): *Kriege und Werte. Studien zur Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts.* – Velbrueck Wissenschaft: Weilerswist
- Hall, S; Critcher, C.; Jefferson, T.; Clarke, J. & Roberts, B. (1978): *Policing the Crisis. Mugging, the State, and Law and Order.* – London: Macmillan Publishers
- Hobsbawm, E. (1995): *Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914-1991.* – Abacus
- Иноземцев, В. (1999): *Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире.* – В: Иноземцев, В. (ред.): *Новая постиндустриальная волна на Западе.* – М.: Academia: 3-64
- Kraushaar, W. (1991): *Extermismus der Mitte. Zur Geschichte einer soziologischen und sozialhistorischen Interpretationsfigur.* – Lohmann, H.-M. (Hrsg.): *Extermismus der Mitte. Vom rechten Verständnis deutscher Nation.* – Frankfurt/M.: 23-50
- Krugman, P. (1999): *The Accidental Theorist.* – London: Penguin
- Кузнецов, В. Н. (2004): *О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект.* – Рукопись
- Лалин, Н. И. (2003): *Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России.* – *Социологические исследования: 2003.* - № 6

- Luhmann, N. (1995): *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp
- Luhmann, N. (1999): *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp
- Lukes, D. (2000): *Wirklichkeitskonstruktion als Ware: Der "Wertewandel" in der westlichen Welt*. In: *Internationale Politik und Gesellschaft* 4/2000: 389-398
- Neckel, S. (2001): „Leistung“ und „Erfolg“. *Die Symbolische Ordnung der Marktgesellschaft*. – Barlosius, E.; Mueller, H.-P. & Steffen, S. (Hrsg.): *Gesellschaftsbilder im Umbruch. Soziologische Perspektiven in Deutschland*. – Opladen: Leske und Budrich
- Priester, K. (2003): *Der neue Leviathan*. – *Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte* 6: 14-17
- Зак, Ф. (1999): *Экономические подходы в уголовной политике*. – *Уголовное право*: 1. – 92-105
- Sack, F. (2002): *Akteursmodelle in den Sozialwissenschaften*. – Kunz, K.-L. & Besozzi, C. (Hrsg.): *Soziale Reflexitaet und qualitative Methodik. Zum Selbstverstaendnis der Kriminologie in der Spaetmoderne*. – Haupt Verl. Bern et al.: 73-118
- Skogan, W. (1993): *The Various Meanings of Fear of Crime*. In: Bilsky, W.; Pfeiffer, Ch. & Wetzels, P. (Hrsg.): *Fear of Crime and Crime Victimization*. – Stuttgart
- Scribner C. (2003): *Requiem for Communism*. New York: MIT Press
- Storck, V. (2001): *Die "Zweite Moderne" – ein Markenartikel? Zur Ambiquitaet und Negativitaet der Gesellschaftsutopie von Ulrich Beck*. – Konstanz: UVK-Verl.-Gesellschaft
- Тимофеев, Л. (2001): *Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли*. – СПб
- Zizek, S. (1999): *Die Tuecke des Subjekts*. – Frankfurt/M.: Suhrkamp
- Zizek, S. (2002): *Die Revolution steht bevor. Dreizehn Versuche ueber Lenin*. – Suhrkamp: Frankfurt/M.